

Л. К. Рябова

О методологических проблемах изучения новейшей истории и истории современности

Новейшая история, равно как и история современности, становится предметом соответственно «новейшей» методологии и философии истории, преодолевающей «традиционную», и основывающуюся, прежде всего, на появлении новых проблем в развитии человечества и общества в целом. Сложился иной экономический, социальный и культурный контекст, который с необходимостью требует внимания современных историков. Явления трансформирующегося мира, характеризующие исторический опыт человечества, формируют принципиально новые объекты исследования, и одновременно порождают методологические инновации, отражающиеся на изучении новейшей истории как раздела исторической науки. Неоднозначность и множественность подходов к написанию истории, снятие «запретов» (не только идеологических, но зачастую и этических), отсутствие универсальных критериев истинности полученного знания, способы его репрезентации — эти и другие ключевые вопросы исторической науки находят отражение в не прекращающихся ныне научных дискуссиях, о них рассуждают ведущие зарубежные и отечественные историки и теоретики в области исторического познания¹.

Нужно отметить также и методологический плюрализм, присутствующий в последние десятилетия исторической науке практически всех стран. Сосуществуют «история повседневности», «социальная история», «культурная история», «история сознания», «новый историзм», «лингвистический поворот в истории», «история ментальностей» и другие направления. Последние десятилетия потребовали от историков и учета герменевтического подхода к исследованиям различных эпох, при котором делается попытка «погрузить» предмет исследования в контекст времени и места действия, обратиться к ментальности, структуре мышления, к стереотипам сознания, условиям речи, повседневным обычаям человека изучаемой эпохи.

**Рябова Людмила
Константиновна,**
кандидат
исторических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
университет.
ludmilar@mail.ru

Этот методологический принцип все чаще применяется в исследованиях по новейшей истории как западными учеными, пишущими, в том числе, и о России XX в., так и отечественными историками.

Говоря о факторах, которые в значительной степени определяют современное состояние методологии и философии истории и затрагивают при этом новейшую историю и историю современности, прежде всего, следует выделить основной, системообразующий. Речь идет о таком новом, присущем именно XX–XXI вв., явлении, как процесс глобализации, вызывающий не только политические, но и научные рефлексии, как в области истории, так и в области философии истории². Проблеме «глобальной истории» посвящено достаточно много работ в новейшей западной историографии³. В рамках отечественной методологии истории к ней обращаются И. Н. Ионов, В. И. Пантин и другие исследователи⁴.

Центральной проблемой в области современной методологии истории стала проблема преодоления берущей начало еще из XVIII в. «европоцентристской» традиции написания истории. В этом контексте интересна постановка проблемы написания новейшей «всемирной истории», предпринятая в статье известной американской исследовательницы Памелы Кроссли «Что такое глобальная история?», в которой автор ставит вопрос о том, как написать историю «без центра», то есть речь идет о преодолении в современной историографии такого методологического подхода, при котором история Европы не должна становиться своеобразной «точкой отсчета». Основная идея автора сводится к тому, чтобы современные историки вновь обратились бы к опыту античности и средневековья, когда в различных культурах люди, используя устные традиции, свидетельства литературных и религиозных текстов, стремились рассказать историю связей с остальной частью человечества. Для нашего времени этот подход представляется П. Кроссли столь же верным, как и в тот период.

Еще более определенно высказывается американский историк Дж. Гуди в книге «Похищение истории»⁵, в которой дается критический анализ «европоцентризма», или «оксидентально-го» уклона в западном историописании, и исследуется «последовательное воровство» Западом достижений других культур, когда Европа не только пренебрегла историей остальной части мира или же недооценила ее, но и навязала ей собственные понятия и периодизацию. Здесь поднят главный вопрос — об историческом методе, и предлагается новая сравнительная методология для межкультурного анализа, которая предполагает значительно более сложные критерии оценок «расходящегося исторического знания» и заменяет устоявшиеся в историографии и не отвечающие современному положению вещей «простые различия» между Востоком и Западом.

Таким образом, обсуждение проблем глобальной истории переросло в дискуссию, где наметились две точки зрения. Первая сводится к тому, что историки должны отказаться от сложившейся традиции «европоцентризма». Она высказывается, по преимуществу, в англосаксонской теории истории. Сторонники второй точки зрения полагают, что возрастание внимания ко «всемирной истории» одновременно приводит к умалению значения «локальной

истории», обращение к которой было вдохновлено французскими культурными подходами, что требования пересмотра сложившихся традиций, основывавшихся, главным образом, на французской методологии истории, окажутся простой «американизацией». В этом кроется опасность «межнационализации» исследований. Вместе с тем, существует реальная задача установления научного диалога западных историков с «незападной» историографией, поскольку налицо смещение «центра тяжести» в развитии современного мира из Европы в сторону азиатских стран⁶.

Однако, говоря о специфике современного состояния исторической науки, нельзя не учитывать и широко обсуждаемое ныне в рамках теории истории так называемое «западное историческое мышление» (П. Бёрк, Й. Рюзен)⁷, к которому несколько настороженно относятся отечественные историки, поскольку с необходимостью возникает мысль о существовании «незападного исторического мышления», и которое изначально предполагает некоторую «культурную оппозицию». По мнению ряда зарубежных и отечественных теоретиков, автор этой концепции П. Бёрк «описывает не просто западное историческое мышление, но ту его форму, которая возникла в результате доминирования западного стиля интеллектуальной жизни над остальными регионами мира». Он «экстраполировал западное понимание истории на “глобальную перспективу”, в результате чего осуществил вестернизацию мировой традиции историописания»⁸.

Преодоление различий в мышлении историков должно в конечном итоге не только, как полагает М. А. Кукарцева, «привести к созданию нового варианта исторической теории», но и к созданию новой модели видения истории. Так, по мнению американского историка Д. Кристиана, в течение следующих 50 лет мы увидим возвращение древней традиции «всемирной истории», но это будет новая по форме всеобщая история, глобальная в своей практике и научная по своему духу и методам. Сегодня, полагает Д. Кристиан, есть много признаков возвращения ко всемирной истории. Это стало возможным благодаря эмпирическим исследованиям, проведенным в прошлом веке в различных областях, а также созданию новых методов абсолютной датировки, которые не зависят от наличия письменных источников. Поэтому речь идет о тесной интеграции исторической науки с «исторически ориентированными» науками, в том числе космологии, геологии и биологии⁹. Об этом же говорит американский историк А. Таккер в статье «Куда мы идем? Юбилейный отчет по истории и теории», который поставил вопрос несколько шире, подчеркнув, что современная методология истории и сама история требуют связи историографии с философией, в том числе интеграции с такими ее отраслями, как метафизика, эпистемология, философия науки, философия сознания, этика¹⁰.

Впрочем, эта тема не впервые обсуждается в историографии. В 2004 г. авторитетный немецкий историк Й. Рюзен в статье «Как преодолеть этноцентризм» писал о том, что в историографии международных и межкультурных отношений прослеживается влияние укрепившегося в человеческом сознании исторического мышления, которое «работает» во все времена и во всех культурах, и которое может быть определено как «этноцентризм». Эта методология пред-

ставляет историю в терминах «столкновения цивилизаций», что укрепляет мысль о международных и межкультурных отношениях как о борьбе и постоянной напряженности.

В частности, Й. Рюзен полагает, что одна из проблем в гуманитарных науках в XXI в., и в истории, в частности, заключается в том, чтобы преодолеть «этноцентризм» национальных историографий и показать, как единство развития человечества проявляется в различных культурах и исторических событиях, что должно стать способом написания новой всемирной истории. Это и есть традиционная концепция историзма, которая может получить развитие в историографии, являясь ответом на вызовы глобализации и культурных различий¹¹.

Однако обозначенная Й. Рюзенем «традиционная концепция историзма» как способ написания истории разделяется далеко не всеми научными школами в современной теории истории. Скорее, прав отечественный исследователь Ю. А. Кимелев, показавший в своей работе отсутствие единого понимания историзма, подвергнув анализу сложившиеся в новейшей теории истории «европейско-континентальный историзм» и «англоязычную аналитическую философию истории»¹².

Вместе с тем, нельзя не согласиться с той точкой зрения на исторический метод, согласно которой он должен основываться, прежде всего, на общем знаменателе ценностей, которые характеризуют современность, поскольку все больший вес в мире приобретает гуманизация знания и «культурная функция истории»¹³.

Последний тезис, может быть, особенно значим для отечественной истории, и прежде всего, для изучения новейшей истории России, которая, безусловно, остается одной из приоритетных тем в российской и зарубежной славистской историографии, равно как и в средствах массовой информации. Являясь зачастую предметом политической спекуляции, она по-прежнему продолжает порождать различного рода инверсии в сознании людей, ведущие к расколу общества. Преодоление этих явлений во многом связано не только с состоянием изученности темы в исторической науке, но и с весьма конфронтационными методологическими подходами к ее изучению в нашей стране, с не принятыми в России подходами западных историков. При этом было бы неверно полагать, что история XX в. исчерпала себя. Скорее наоборот. Сейчас наступает время спокойного и более свободного, в том числе и от устоявшихся мифологем, подхода к изучению этого периода отечественной истории. И то, что еще несколько десятилетий назад было предметом споров не столько в рамках исторической науки, сколько в сфере идеологического противостояния, ныне становится предметом академических дискуссий.

Научность, а, следовательно, и независимость позиции историка, особенно если речь идет о новейшей истории, приобретают особую значимость еще и потому, что она должна способствовать преодолению так называемых коммеморативных практик, против которых выступает академическое сообщество различных стран. С точки зрения ряда зарубежных историков (П. Хаттон, П. Рикер, Й. Рюзен), историческое сознание нации, ее историческая память является по-прежнему функцией власти, определяющей, как следует представлять прошлое. В этом случае проблема

исторической памяти оказывается проблемой политики коммеморации, то есть проблемой идентификации и описания тех событий, идей или личностей прежнего времени, которые избираются посредниками власти для хранения в памяти¹⁴. В исследованиях, связанных с новейшей историей, все чаще звучит тема «культурной памяти», через которую складывается сознание социальной принадлежности или «коллективной идентичности». Это, в свою очередь, порождает в современной теории истории постановку еще одной проблемы — ответственности историка за то знание о прошлом (результаты исследования, выводы автора), которое он предлагает социуму.

Эта проблема обсуждается в сообществе историков уже не первое десятилетие, и сейчас является особенно болезненной в восприятии не только историков, но и общества в целом. В наибольшей степени это касается именно новейшей истории и, в нашем случае, новейшей истории России (обратимся хотя бы к идущей уже который месяц телепрограмме «Суд времени»). Историки же, особенно отечественные, в отличие от журналистов и политологов, обычно не любят давать явные моральные оценки тех явлений истории, к изучению которых они обращаются. Еще со времен противостояния позитивистской и неокантианской концепций истории на рубеже XIX–XX вв., дискуссий сторонников номотетического и идеографического знания, споров о том, что же должен делать историк, продолжает оставаться вполне упрочившимся суждение об историках, как лишь о «собирателях фактов». Вместе с тем, в западной историографии последнее время все чаще звучит тезис о необходимости привнесения в историческую науку активной позиции самого историка, который не только беспристрастно описывает, но и судит.

В частности, нельзя не согласиться с американским историком Р. Ванном, полагающим, что историкам должна быть присуща, в том числе, роль «морального комментатора». Уже сам выбор темы исследования, особенно если она касается новейшей истории, предполагает «молчаливое моральное обязательство писать честно». Историки немногим рискуют, выступая строгими судьями и уверенными в своей правоте исследователями; гораздо большую опасность несет «пустительство» или «моральная неразборчивость» в оценках¹⁵.

При этом возникает вопрос о критериях таких оценок. В связи с этим другой американский историк Дж. Крэкэрфт полагает, что необходимо уточнить сами моральные ценности, их содержание и соответствие эпохе, что особенно актуально в условиях глобальных вызовов нашего времени. И «моральный нейтралитет», и размытость нравственных принципов уже не отвечает «ремеслу историка», что, в то же время, не должно исключать строгой беспристрастности историка¹⁶. Более того, речь идет и о другой стороне вопроса — этической ответственности историков за объективность знания, на что люди в современном демократическом обществе имеют право — на объективное знание, на объективное понимание исторических процессов, в которых они живут¹⁷.

Этическая сторона деятельности историка, которая становится в XXI в. важной методологической составляющей, с неизбежностью порождает вопрос о преемственности традиций национальных историографий и выработанного ранее знания (образа мира, страны, эпохи), сформулированного предшествующим поколением историков.

Неслучайно в последние десятилетия проблема поколений в теории истории обсуждается как весьма значимый методологический принцип. Концепция «состоявшегося знания» (изученности какого-либо вопроса истории во всех его аспектах и в полной мере) подвергается критике, прежде всего, каждым новым поколением историков, имеющим право на свой, новый взгляд на историю, что в полной мере отвечает принятому ныне эпистемологическому подходу. Можно спорить с тезисом о том, что «понятие поколения — самое важное в истории», поскольку история, по определению Х. Ортега-и-Гассета, предложившего метод поколений в исторических исследованиях, — это смена поколений¹⁸, но невозможно отрицать вклад каждого нового поколения историков в историческую науку. Изучение новейшей истории в значительно большей степени, нежели обращение к ранним периодам истории человечества, связано с новым поколением историков, которое, с одной стороны, вышло из сложившихся в годы «холодной войны» научных школ, а с другой — привнесло свой взгляд на историю XX в. Поэтому здесь встает вопрос не только о новых подходах, но и об отношении нового поколения историков к наследию своих предшественников. Эту мысль весьма определенно выразил А. Бэкс в статье, озаглавленной «Декларация обязанностей нынешних поколений в отношении к прошлым поколениям», где отмечает, что основополагающим принципом этического кодекса историков должно быть «достоинство живых и уважение ушедших, у которых живые учатся». Автор ставит задачу определения «этической инфраструктуры» для историков, причем обязательства нынешнего поколения перед ушедшими поколениями должны быть универсальными¹⁹. Известный историк Дж. Тош, говоря о традиции британской историографии, отмечает свойственную ей определенную «осторожность», которая восходит к «шоку от опыта поколений историков в тоталитарных диктатурах советской России или нацистской Германии», когда исторической наукой управляли недобросовестные политики. Но это не мешает новому поколению британских историков помнить о тех, кто формировал нынешнее поколение ученых²⁰.

Проблемное поле в исследованиях истории XX в. лежит в сфере сравнительной истории, и прежде всего, речь идет о сравнении подходов и оценок. Видный современный французский историк К. Шарль заметил по этому поводу: «Каждая национальная историография обзавелась известным набором концепций, понятий, ключевых слов, тематических и проблемных конструкций, тесно связанных с интеллектуальной жизнью каждой отдельно взятой страны и со злободневными политическими дискуссиями, которые влияют на то, каким именно образом историки изображают историю своей страны. Этот последний фактор особенно важен в тех случаях, когда речь идет о новейшей истории и об истории современности»²¹. Другая особенность изучения истории XX в., на которую обратил внимание К. Шарль, связана с эволюцией самих исследований в этот период в области социальной и культурной истории. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. историки пришли к осознанию того факта, что отказ от макросоциальных подходов и старых объяснительных парадигм (восходивших либо к марксизму, либо к американской социологии), которые господствовали вплоть до 1970-х гг., привел к нарастающей фрагментации

исторического знания. Одновременно шла дискредитация самой идеи синтеза, являвшейся основанием для сближения истории с общественными науками, а иногда и для стремления превратить историю в науку, осуществляющую синтез всех общественных наук или коммуникацию между ними²². Ситуация, обозначенная как «кризис исторической науки», имела интернациональный характер. Сейчас в ходе научных дискуссий ставится вопрос о том, что сравнительный анализ проблем в рамках новейшей истории и истории современности, который все чаще принимается историками разных стран, требует одной и той же «категориальной сетки» и одинаковых объяснительных принципов.

«Смена парадигм» происходит с середины 1970-х гг., что в значительной степени было связано с выходом в свет книги известного американского историка Х. Уайта «Метаистория». Эта работа стала новым ориентиром для европейских и американских историков, потеснив прежние позиции французской методологии истории, создавшей в значительной степени господствующую тогда постмодернистскую концепцию истории. Однако уже в начале 1990-х гг. Уайт несколько иначе смотрит и на свой труд, и дистанцируется от постмодернистской методологии. В интервью, данном в 1993 г. Эве Доманска (адъюнкт-профессору теории и истории историографии, Польша), Уайт, являясь теперь уже весьма влиятельной фигурой в научном мире, высказал достаточно жесткое суждение о классиках французской исторической мысли, и в частности, о М. Фуко: «Я думаю, что то, что он делает, есть “контр-история”. Его концепция археологии и генеалогии призывает нас пересмотреть традиционные, конвенциональные допущения исторического исследования»²³.

Такая оценка роли М. Фуко стала возможной именно на рубеже XX–XXI вв., когда оформились новейшие тенденции развития методологии и философии истории в современном мире. Это, прежде всего, некая «усталость» от постмодернистской концепции истории, в частности, от столь многими исповедуемого и ныне «лингвистического поворота», созданного, прежде всего, в рамках французской школы теории истории.

Если о Фуко речь шла в контексте современных оценок постмодерна, то в отношении П. Рикёра суждения Х. Уайта несколько шире: «Рикёр — очень старомодный философ образца XIX века, герменевтического направления. В нем поражает амплитуда его ума, он способен охватить широкий круг самых разных позиций... Он — философ символических форм, очень во многом в традициях Кассирера. Но, я думаю, он устарел. Это — традиция именно XIX века, аристократическая, европейская». И далее, говоря о наиболее влиятельных философах в современной философии истории, Х. Уайт еще раз отмечает, что «Рикёр — больше комментатор, чем новатор, если говорить честно»²⁴. Здесь будет уместно вспомнить, что П. Рикёр стоял у истоков формирования одного из наиболее интересных направлений в методологии истории второй половины XX в. — исследования явлений истории, равно как и всей человеческой культуры, в различных повествовательных полях — истории, художественной литературе, философии как способе исторической репрезентации. В частности, этому сюжету в историописании посвящено его фундаментальное исследование «Время и рассказ», в котором историк искал бо-

лее опосредованную связь между историческим объяснением и рассказом²⁵. Этот труд П. Рикёра, ставший уже классическим, был оценен как в высшей степени методологичный. Он ввел проблематику повествования в прежде недоступные ей области, объединив историографию и литературную критику «в деле воссоздания великой нарратологии»²⁶. Поэтому такая оценка Уайтом научного наследия П. Рикёра в некоторой степени является отсылкой и ко всему французскому сообществу историков. И, видимо, не случайно при характеристике другого французского мыслителя — Ж. Деррида, «который наконец-то показал нам как надо, концептуализируя определенные отношения, анализировать любые типы бинарных оппозиций», Х. Уайт заметил: «И мне нравится Деррида еще и потому, что он умышленно позиционирует себя вне французской интеллектуальной сцены»²⁷.

Однако здесь следует сказать, что критика весьма влиятельной в XX в. французской школы историописания не отменяет интереса к междисциплинарным исследованиям, о чем, в частности, свидетельствует появление и развитие в США нового направления в методологии истории, получившего название «новый историзм»²⁸. Как пишет автор исследования о «новом историзме» А. Э. Анисимова, это явление междисциплинарное, хотя и возникло оно в рамках дисциплины «английская литература». Речь идет о представлении истории в литературе и, соответственно, о репрезентации исторического знания через литературный текст, о введении новых понятий, близких историческому методу, что означает изменение не объекта исследования, а подхода к нему. Он основан на традиции изучения культуры в США. Поясняя его суть, А. Э. Анисимова заметила, что если в 1948 г. в США вышла книга под названием «История американской литературы», то в 1988 г. выходит «Литературная история США». «Новый историзм» является влиятельным направлением в современном гуманитарном знании, конкурентоспособность которого основана на масштабности поднятых в нем проблем. Необычайно популярный в американских университетах «новый историзм» в России только формируется как предмет будущего обсуждения²⁹.

Нужно заметить, что не только Х. Уайт, но и большинство видных историков и философов истории рубежа XX–XXI вв. подвергают сомнению возможность продолжения научных изысканий (теоретических и конкретно-исторических) в рамках старой, созданной преимущественно французами «новой истории», и поднимают вновь проблему истины в историописании, то есть речь идет о поисках новых способов исследования явления.

Более того, сейчас «снимаются» как актуальные (и традиционные одновременно), утрачивают смысл рассуждения о дебатах между философами и философами истории, между историками и теоретиками истории. Сегодня проблема заключается в том, как «переобразить» (выражение Х. Уайта. — Л. Р.) историю вне тех категорий, которые были унаследованы от XIX в.

О необходимости инноваций и пересмотра старых подходов к написанию истории говорит и другой видный американский историк и лингвист Х. Кёллнер. Весьма показательна в том отношении его оценка французской историографии. «Полагаю, что чем больше какие-то вещи

изучаются и артикулируются, тем меньше и меньше я понимаю, почему они произошли. Например, я чувствую, что Французская Революция никогда не была более загадочна, чем сейчас, несмотря на то, что объясняющий ее дискурс как никогда богат и изощрен». Говоря же о современной философии истории в США, он замечает, что «Фуко все еще продолжает оказывать огромное влияние на следующее поколение историков... Но для меня сегодня важен Франк Анкерсмит. Я хотел бы научиться читать по-голландски»³⁰. Надо заметить, что в вопросах теории истории и методах исторического исследования акценты действительно смещаются сейчас в сторону США, Голландии, Германии.

Таким образом, обсуждавшиеся на Западе на протяжении всего XX в. и обратившие на себя внимание исследователей в России на рубеже XX–XXI вв. проблемы историописания продолжают оставаться предметом дискуссий историков и философов истории и в наше время. Длительный период «инноваций» и новых «поворотов» привел в конечном итоге к усложнению процесса исторического познания, породив, в том числе, и множество терминологических разночтений. Историки вынуждены были специально обратиться и к этому вопросу. Заслуживает внимания практика их обсуждения в рамках «круглых столов», проводимых Центром истории исторического знания ИВИ РАН³¹, где обсуждается понятийно-категориальный аппарат исторической науки, формы и типы исторических текстов. Вполне обоснована и постановка проблем исследования текста: «Несколько десятилетий назад в рамках постмодернистской парадигмы был сформулирован целый ряд “проклятых” вопросов: Как читать исторические тексты? Возможно ли выйти за пределы внетекстовой реальности или мы обречены вечно блуждать в “ловушках языка”? Является ли читатель таким же “автором” текста, как и его непосредственный создатель? Что такое вообще “текст”?»³² Нарратология, язык историка, практика историописания, проблема понимания в исторической науке — эти ключевые вопросы современной исторической науки в последние годы исследуются особенно активно³³.

Применительно к исследованиям в области новейшей истории поднятые историками и философами вопросы методологии и теории приобретают особое значение, поскольку без их решения (то есть «приведения к общему знаменателю») невозможно получение адекватного знания, которое призвано не просто закрывать «белые пятна» истории, но и в значительной степени устранив «болевы точки» в восприятии современниками недавнего исторического прошлого.

¹ Обзор обсуждаемых за рубежом проблем сущности, перспектив и тенденций развития исторического знания и теории истории на рубеже XX–XXI вв. см. в сборнике интервью с ведущими западными историками и философами истории: *Доманска Э. Философия истории после постмодернизма* / Пер. с англ. М. А. Кукарцевой. М., 2010. — О постановке этих же вопросов отечественными историками и философами истории см.: *Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки: Сб. науч. статей* / Отв. ред. М. А. Кукарцева. М., 2011. — Взгляды предста-

вителей Санкт-Петербургской школы методологии и философии истории см.: 1) Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А. С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. / Отв. ред. А. В. Малинов. СПб., 2003. Вып. 1; 2) Фигуры истории, или «общие места» историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории / Отв. ред. А. В. Малинов. СПб., 2005; и др. специальные работы.

² См. подробнее: *Кимелев Ю. А.* Западная философия истории на рубеже XX–XXI вв.: Аналитический обзор // РАН ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. философии. М., 2009.

³ См., например: *Гидденс Э.* Ускользающий мир. М., 2004; *Crossley P. K.* What is Global History? Cambridge: Polity Press, 2008; *Goody J.* The Theft of History. Cambridge: Cambridge University Press, 2007; *Tomann B.* History and Globalisation // <http://www.laviedesidees.fr/Histoire-et-mondialisation,449.html> (дата обращения: 05.01.2009); *Tomlinson G.* Globalization and culture. Chicago, 1999; и др.

⁴ *Ионов И. Н.* 1) Историческая глобализация: предмет и метод // Общественные науки и современность. 2001. № 4; 2) Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. 2009. № 2 (10); *Пантин В. И.* Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М., 2003; и др.

⁵ *Goody J.* The Theft of History. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

⁶ Подробнее об этих дискуссиях см. специальный выпуск французского журнала «Обзор новой и современной истории», посвященный «глобальной истории» и «соединительным историям»: *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 2007. № 54–4 bis.

⁷ См. об этом: *Кукарцева М. А., Колмоец Е. Н.* Западное и не-западное историческое мышление: сходства и отличия: Аналитический обзор // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки. М., 2011. С. 323–348.

⁸ Там же. С. 336–337.

⁹ *Christian D.* The Return of Universal History // *History and Theory*. Vol. 49. 2010. December. P. 6–27.

¹⁰ *Tucker A.* Where Do We Go from Here? Jubilee Report on History and Theory // *History and Theory*. Vol. 49. 2010. December. P. 64–84.

¹¹ *Rusen J.* How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-first Century // *History and Theory*. Vol. 43. 2004. December. P. 118–129.

¹² См. об этом: *Кимелев Ю. А.* Западная философия истории на рубеже XX–XXI вв. С. 77–82.

¹³ *Ermarth E. D.* Ethics and Method // *History and Theory*. Vol. 43. 2004. December. P. 61–83.

¹⁴ *Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 30.

¹⁵ *Vann R. T.* Historians and Moral Evaluations // *History and Theory*. Vol. 43. 2004. December. P. 3–30.

¹⁶ *Crakraft J.* Implicit Morality // *History and Theory*. Vol. 43. 2004. December. P. 31–42.

¹⁷ *Gorman J.* Historians and Their Duties // *History and Theory*. Vol. 43. 2004. December. P. 118–129.

¹⁸ *Ортега-и-Гассет Х.* Вокруг Галилея (схема кризисов) // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / Пер. с исп.; сост., авт. предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. М., 1997.

¹⁹ *Baets A. D.* A Declaration of the Responsibilities of Present Generations toward Past Generations // *History and Theory*. Vol. 43. 2004. December. P. 130–164.

²⁰ An interview with John Tosh in November 2008 // http://www.threemonkeysonline.com/als/why_history_matters_john_tosh_interview.html (дата обращения: 10. 12. 2010).

²¹ *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века / Пер. с фр.; под ред. С. Л. Козлова. М., 2005. С. 20.

²² Там же. С. 21.

²³ Цит. по: *Доманска Э.* Философия истории после постмодернизма / Эва Доманска; пер. с англ. М. А. Кукарцевой. М., 2010. С. 52.

²⁴ Там же. С. 52–54.

²⁵ Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб., 1998; Т. 2. Конфигурация в вымышленном рассказе. М.; СПб., 2000.

²⁶ См.: Поль Рикёр – философ диалога / Отв. ред. И. И. Блауберг. М., 2008. С. 81, 87.

²⁷ Цит. по: Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. С. 54.

²⁸ Анисимова А. Э. «Новый историзм»: Науковедческий анализ / Отв. ред. А. И. Ракитов. М., 2010. С. 16.

²⁹ Там же. С. 8.

³⁰ Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. С. 63,73.

³¹ Бобкова М. С., Мереминский С. Г. Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010.

³² Локальные исторические культуры и традиции историописания / Отв. ред. А. И. Сидоров. М., 2011.

³³ Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историка / Пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова; под науч. ред. Л. Б. Макеевой. М., 2003; Мегилл А. Историческая эпистемология / Пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Кашаева, В. Тимонина. М., 2007; Репина Л. П. 1) Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003; 2) Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков // Новая и новейшая история. 2006. № 1; и др.